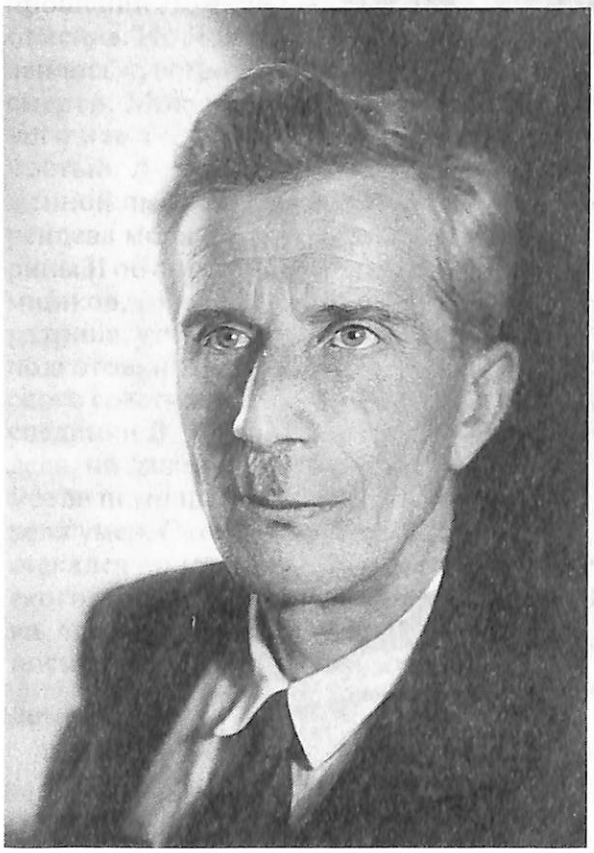
Ю. Я. СОЛОВЬЕВ

АКАДЕМИК ШАТСКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Очень трудно писать о Шатском, его отсутствие еще очень остро ощущается большинством его учеников... его замечательные свойства ученого необыкновенно удачно дополнялись особенностями его личности [1, с. 68].

В Пыжевском переулке у входа в здание Геологического института Российской академии наук на стене дома № 7 прикреплена мемориальная доска, где выгравировано имя Николая Сергеевича Шатского — одного из выдающихся естествоиспытателей XX столетия. На втором этаже Института — портрет этого человека с лукавинкой в глазах и доброй улыбкой.

Родился Н. С. Шатский 28 (16) августа 1895 г., а скончался 1 августа 1960 г., немного не дожив до 65-летия. Николая Сергеевича нет среди нас более 38 лет. Однако он остается в памяти тех, кто лично испытал обаяние этого чудесной души человека, выдающегося ученого, педагога, воспитателя, мудрого руководителя.



Н. С. Шатский спустя год после избрания в члены-корреспонденты АН СССР. Москва, 1944 г.

Труды Н. С. Шатского неоднократно анализировали выдающиеся геологи: Е. В. Павловский [2], А. Л. Яншин [3] и Н. А. Штрейс [4]. Обстоятельно писал о его научной, научно-организационной и педагогической деятельности Ю. М. Пущаровский [5, 6]. Оставленное Н. С. Шатским богатейшее научное наследие до сих пор имеет высокий индекс цитирования. Его идеи и мысли постоянно развиваются в трудах многочисленных последователей.

Ю. М. Пущаровский, подробно рассматривая многогранную деятельность этого выдающегося ученого XX в., выделил че-

ВИЕТ. 1999. № 1. С. 122–132. © Ю. Я. Соловьев

тыре периода, которые можно считать главнейшими вехами творческой жизни Н. С. Шатского:

> Наиболее ранний из них охватывает 20-е годы и связан с работой в Геологическом отделе Комиссии по изучению Курской магнитной аномалии, нефтяной секции Геологического комитета, Нефтяном геолого-разведочном институте. В это время им был создан ряд первоклассных региональных и тектонических работ...
>
> Второй период... охватывает 30-е годы. В это время он вел экспедиционные исследования в районе оз. Байкал и в Прибайкалье, в Буреинском бассейне и в Центральном Казахстане. Существенно расширилась его педагогическая деятельность, в первую очередь, в связи с чтением лекций по курсу «Геология СССР», введенному А. Д. Архангельским еще в конце 20-х годов. Н. С. Шатский начал читать лекции по геологии Сибири как часть этого курса, а с 1933 г., став профессором Московского геолого-разведочного института, читал уже полный курс... Именно в 30-е гг. Н. С. Шатский связал свою судьбу с Геологическим институтом Академии наук СССР, где он работал потом всю жизнь... Общий анализ деятельности Н. С. Шатского во втором периоде свидетельствует о его становлении в качестве наиболее признанного лидера в области советской тектоники.
>
> Третий период охватывает годы Великой Отечественной войны. Сотрудники Геологического института (в те годы Института геологических наук АН СССР — *Ю. С.*) в это трудное время занимались острыми проблемами, связанными с обоснованием поисков необходимых полезных ископаемых. Часть сотрудников, в том числе Н. С. Шатский, работали в Приуралье, проводя геологические исследования, направленные на освоение нефтяных ресурсов Второго Баку.
>
> Четвертый период его научной деятельности охватывает 1946–1960 гг. Экспедиционные исследования Николай Сергеевич больше не проводил. В течение этого последнего периода он занимался сравнительно-тектоническими исследованиями, тектоническими картами, теоретическими поисками и выяснением закономерностей размещения полезных ископаемых в осадочных толщах [5, с. 8–15].

Сквозь все эти периоды, выделенные одним из любимых его учеников, отчетливо просматривается геолог широчайшего профиля, яркая личность которого сформировалась задолго до того, как он стал всемирно известным ученым, в том числе и главой школы тектонистов СССР.

Приведем лишь часть высказываний современников о Н. С. Шатском, из коих становится ясным, что самобытность и высочайшая одаренность этого естествоиспытателя проявлялась на протяжении всех упомянутых периодов его деятельности в области геологии.

Прежде всего, обратимся к автобиографическому очерку, написанному самим Н. С. Шатским в 1945–1946 гг. [7]. Профессионально заниматься геологическими изысканиями и почти одновременно преподавать Николай Сергеевич начал без законченного высшего специального образования. Звание горного инженера ему удалось получить лишь в 1929 г., когда он экстерном завершил обучение, работая в Горной академии. Навыков, полученных им в результате почти трех лет учебы на естественном отделении

физико-математического факультета Московского университета, оказалось достаточно, чтобы он начиная с 1916 г. вполне самостоятельно мог начать геологические исследования в Поволжье.

Н. С. Шатский — студент 3 курса отделения естественных наук физико-математического факультета Московского университета. Москва, 1916 г.

В августе 1916 г. его как студента, не сдавшего в университете академический минимум, призвали на военную службу. В апреле 1918 г. Николай Сергеевич в звании прапорщика был уволен в запас. Летом 1918 г. он вновь был призван на действительную службу, но теперь уже в Красную Армию, где в качестве «войскового геолога» занимал должность командира мостового саперного взвода, командира роты, бригадного инженера. В 1921 г. по ходатайству Московской горной академии Н. С. Шатский был отозван из армии в долгосрочный отпуск. С 1922 г. по 1929 г. он опубликовал 15 научных работ по тектонике, стратиграфии, палеонтологии, нефтяной геологии. В 1934 г. за плодотворную научную деятельность без защиты диссертации получил ученую степень кандидата геолого-минералогических наук. К этому моменту из печати вышло еще 9 его работ, в том числе составленная вместе с А. Д. Архангельским «Схема тектоники СССР» (1933 г.).

В 1920-е гг., будучи сначала ассистентом, а затем доцентом Московской горной академии, он проводил занятия по курсу «Историческая геология», читал отдельные лекции по геологии Донецкого бассейна, Казахстана, Сибири, а также факультативные курсы лекций, например «Геотектоника Западной Европы». Руководство дипломными работами студентов, посвященными геологическому строению различных регионов страны, позволяло Н. С. Шатскому устанавливать теснейшие связи с будущими исследователями во всех республиках страны.

Каким был Н. С. Шатский в 20–30-е гг.? В. В. Меннер [8], вспоминая о двух полевых сезонах в партии Николая Сергеевича на геологической

съемке в Азербайджане, подметил суть методического подхода своего наставника. Николай Сергеевич составлял геологическую карту Кобыстана «не по набору количества точек (обнажений), а посредством непрерывной корректировки накапливаемого материала полевых наблюдений». Меннер, вспоминая рассказ самого Шацкого, писал: «...однажды в Поволжье в полевой партии он заснул, нанося на карту точки. Его разбудил А. М. Мазарович, начал отчитывать за невнимание и лень и был ошеломлен ответом Николая Сергеевича, что он заснул нарочно, так как мухи гораздо лучше поставят точки на карту, чем это мог бы сделать он» [8, с. 137]. Все имеющиеся факторы им осмысливались исходя из сложившихся у него теоретических представлений. Обязательным всегда было изучение всех материалов по исследуемому району, смежным областям, а также литературных источников по сходным структурам. После общего ознакомительного маршрута определялось место для составления основного разреза, а затем уточнялись обязанности геологов партии. Каждая группа в отряде изучала те отложения, которые ей предстояло картировать, работая в постоянном контакте с соседями.

Сотрудники Горной академии. Сидят (слева направо): П. Н. Марков, А. Д. Архангельский, В. П. Некрасов, Н. С. Шатский, М. С. Швецов. Стоят (слева направо): М. П. Фивег, И. Т. Курман. Москва, 1926 г.

Н. С. Шатский с уважением относился к местным научным авторитетам. Однако он всегда привносил индивидуальный подход к изучению сложных геологических объектов. Так было, например, при исследовании района Чеил-Дага, ранее изучавшегося известным «бабаем» («стариком») азербайджанских геологов — Д. В. Голубятниковым. Последним на протяжении нескольких километров по прямой линии были вырыты десятки шурфов глубиной от 5 до 10 метров. По тем временам это считалось грандиозной работой при изучении опорного геологического разреза. Николай Сергеевич счел крайне необходимым подробно описать все имевшиеся ес-

тественные обнажения с небольшими расчистками и одновременно осуществлять картирование смежных площадей. Это позволило выявить ряд мелких сбросов, которые искажали мощности слоев и фактически исключали из построений Д. В. Голубятникова наиболее интересную 500-метровую пачку пород продуктивной свиты. Такой необычный методический подход позволил впервые для Азербайджана выделить в толще миоцена чокракские и караганские слои и выявить майкопские песчаники. При бурении скважин столь существенное обстоятельство подтвердилось. Николай Сергеевич безукоризненно придерживался точности отражения на карте аллювия и других покровных образований, — как он говорил, — «фиговых листков, прикрывающих места незнания геологов». Поэтому составленные им карты всегда показывали, что конкретно наблюдалось в поле. Академик В. В. Меннер подчеркивал высокое качество составленных Н. С. Шатским геологических планшетов. Действительно, последующие пересъемки не могли добавить ничего нового.

В период 1931–1932 гг. Николай Сергеевич проводил маршрутные исследования в Восточной Сибири, связанные с проблемой нефтегазоносности новых территорий к востоку от Урала. Летом 1930 г. от Ленинградского нефтяного геолого-разведочного института (НИГРИ) в этом огромном регионе начала работать первая нефтепоисковая партия под руководством выпускника геологического факультета Ленинградского государственного университета Г. Е. Рябухина [9]. Научные консультации проводил уже тогда широко известный профессор Н. С. Шатский, снискавший заслуженное признание за серию оригинальных работ по Донбассу и Северному Кавказу. Во время полевых маршрутов в забайкальских районах газо- и нефтепроявлений коллеги близко узнали Н. С. Шатского. Как вспоминает Г. Е. Рябухин:

> Хорошо запомнились его острый взгляд, стройная фигура (сутулиться он стал гораздо позже). В беседах с сотрудниками партии на его лице постоянно была приятная, немного печальная и слегка ироническая улыбка. При геологических наблюдениях Николай Сергеевич был сосредоточен и никогда не разговаривал. Все наблюдения и мысли он аккуратно записывал в толстую записную книжку, много рисовал и, казалось, даже не замечал сопровождавшей нас тучи комаров. Уже в то время он жаловался на болезнь легких, одевал часто свитер, боялся простудиться. По утрам был часто бледен, говорил, что даже кожаная сумка ему кажется тяжелой. Зато в вечерние часы у костра, за кружкой чая, после плотного ужина (днем мы не останавливались для обеда), он был неутомимый остроумный собеседник. Он делился своими мыслями по итогам дня, рассказывал о Северном Кавказе и много шутил над нашей молодежью, впервые участвовавшей в столь трудном переходе [9, с. 143].

Николай Сергеевич был очень увлеченным естествоиспытателем, и когда ему казалось, что собеседник разочарован однообразием наблюдаемых геологических явлений, он говорил:

> Геология всегда интересна. Как нет плохого коня, а есть плохой конюх, так нет плохой геологии, а есть плохой геолог (цит. по [9, с. 143]).

В августе 1995 г., в разговоре с бывшим сотрудником Геологического института РАН И. С. Чумаковым, вспоминая о Н. С. Шатском, я отметил еще одно его афористическое высказывание. Он говорил, что «в науке, как в армии, есть солдаты и снайперы. Без первых невозможно одерживать победы, а вторые способствуют быстрому достижению поставленных целей».

Когда еще более остро стала ощущаться необходимость углубления и концентрации теоретических исследований по фундаментальным проблемам геологии, Президиум АН СССР своим решением от 30 декабря 1955 г. разделил созданный в 1937 г. Институт геологических наук АН СССР (ИГН) на два самостоятельных академических учреждения: Геологический институт (ГИН) и Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии (ИГЕМ). Николай Сергеевич с 1937 г. бессменно руководил отделом тектоники сначала в ИГН, а с 1956 г. и до конца жизни возглавлял тот же отдел во вновь организованном ГИН, будучи одновременно его директором. В этом отделе существовала традиция: еженедельно, обычно по субботам, происходили заседания, где обсуждались сложные теоретические и практические вопросы науки, создавалась новая и неустанно совершенствовалась старая методика исследований. Здесь происходило «таинство» плодотворного общения «разношерстных» участников большого коллектива. «Невзирая на лица, — вспоминал Д. А. Туголесов, — происходил искренний, открытый обмен мнениями, шутки были полноправной частью серьезного научного обсуждения и нередко поощрялись самим председателем» [1, с. 69]. Д. А. Туголесов — один из учеников Н. С. Шатского, специалист по региональной тектонике СССР и тектоническому картированию — многие годы стенографировал все выступления Н. С. Шатского, в том числе и его речи на «тектонических субботах». При всем разнообразии вопросов, при большом геологическом различии регионов, обсуждавшихся на «субботах», красной нитью проходили методические приемы исследования, в числе которых структурный метод был всегда главным, так как именно с его помощью выявлялось развитие тектонических форм земной коры. Н. С. Шатский говорил: «Мы изучаем развитие структур, материальных структур, а не жонглируем с движениями. Эта постановка вопроса противоположна широко распространенной сейчас. Изучение морфологии структур должно пронизывать всю нашу работу от начала до конца» [1, с. 69]. (Запись выступления 8 апреля 1953 г.)

В тесной связи с морфологическим анализом Н. С. Шатский первостепенную роль отводил тщательному геологическому картированию тектонических структур в поле. Д. А. Туголесов, присутствовавший почти на всех «тектонических субботах», образно описал перипетии, связанные с разработкой многих научных программ и, в частности, с обсуждением текстов отдельных глав книги «Методы изучения тектонических структур» (1954–1956). Как истинно большой ученый, Н. С. Шатский интенсивнее работал в обстановке творческого подъема своих учеников. Успехи сотрудников отдела постоянно стимулировали появление новых мыслей, побуж-

дали к постановке очередных проблем, что вело к новым крупным обобщениям. Когда дискуссии затягивались, не приводили к желаемому результату, Н. С. Шатский лично завершал начатое дело. Так было при создании «Тектонической карты СССР», вспоминает Д. А. Туголесов. Когда Н. С. Шатскому стало невмоготу от предложений самого разнообразного содержания, он взял рулон карт и отправился к себе на дачу в Абрамцево. Там, расстелив на полу большой террасы листы будущей карты, он практически в одиночестве, «с карандашом в руках, то на четвереньках, а то и лежа на животе, с раннего утра и до позднего вечера напряженно работал над ее составлением. Нередко те же позы принимали появлявшиеся званые, а иногда и незваные сотрудники, приезжавшие за инструкциями или гонимые туда стремлением хоть краем глаза взглянуть, скоро ли появится любимое дитя. Наконец в середине лета 1951 г. все было кончено. Карту отдали в печать» [1, с. 71].

Многие геологи из разных республик страны стремились учиться у Николая Сергеевича, где только могли: в беседах с ним, на его лекциях, докладах, во время диспутов, на конференциях, симпозиумах, семинарах, на заседаниях ученых советов и т. п. Он возражал против необоснованного «терминотворчества», возмущаясь тем, что многие почему-то считают это научным достижением. Он никогда не подавлял своим авторитетом. В его замечаниях не было категоричности, делал он их как бы мимоходом, в форме совета или даже вопроса. Шутка, острое слово и доброжелательная ирония были неотъемлемой частью этого удивительной души человека, обладавшего могучим интеллектом творца.

По воспоминаниям Н. А. Штрейса, «энергичный, полный новыми творческими замыслами, он был настоящим лидером во всех мероприятиях в области тектоники в нашей стране, а в последние годы жизни и на мировой арене» [4, с. 4]. Фактически академик Н. С. Шатский являлся непререкаемым авторитетом как для сверстников, так и для многочисленных учеников и последователей, ибо широта его научных интересов поражала своей исключительностью. «Стратиграфия, литология, тектоника, полезные ископаемые, история науки и общие философские вопросы естествознания были всегда в центре его внимания» [4, с. 4]. Он считал, что каждый исследователь должен хорошо представлять себе историю той области научных знаний, в которой он работает, ибо история науки намного облегчает формирование правильного направления научной мысли. Сам Николай Сергеевич написал ряд великолепных, глубоких по содержанию историко-научных очерков о А. Грессли, Ч. Дарвине, Р. И. Мурчисоне, А. П. Карпинском, А. Д. Архангельском.

Я отчетливо помню годы общения с Николаем Сергеевичем, так как имел возможность непосредственно работать с ним в течение пяти последних лет его жизни с 1955 г. В это время Н. С. Шатский был директором ГИН и одновременно председателем Комиссии по геологической изученности СССР (КОГИ). Я, будучи младшим научным сотрудником ГИН АН СССР, выполнял обязанности ученого секретаря этой Комиссии и поэто-

му часто общался с Николаем Сергеевичем по научно-организационным и методическим вопросам. Перед КОГИ, созданной по инициативе академика В. А. Обручева, ставилась грандиозная по масштабам задача — выявить (начиная с XVIII в.) и собрать воедино самые разнообразные материалы, связанные с геологическими изысканиями, проводившимися на территории нашего государства. Не все члены первоначального состава КОГИ (а здесь, в частности, были зам. председателя комиссии В. В. Тихомиров, А. Г. Бетехтин, Д. В. Наливкин, В. А. Обручев, Н.М. Страхов, А. Л. Яншин, Л. В. Пустовалов, Е. А. Радкевич, Е. Т. Шаталов и другие крупнейшие геологи страны) верили в успех столь широкомасштабного предприятия. В то же время все понимали, что это надо делать для быстрой ориентации в постоянно возрастающем объеме научной информации.

Первые годы деятельности КОГИ были особенно напряженными, так как научно-методическое руководство повседневно сочеталось с оперативной координацией работы, проводившейся разными учреждениями АН СССР, Мингео СССР, Минвуза СССР и ряда других смежных с геологией ведомств. Николай Сергеевич, несмотря на загруженность директорскими обязанностями во вновь организованном ГИН, не только систематически вникал в дела КОГИ, но и активно содействовал развертыванию подготовительной работы во всех регионах страны. Хочу сразу же сказать, что глубокая убежденность Н. С. Шатского в успехе начатого грандиозного дела завершилась тем, что сейчас имеется уникальное 52-томное справочно-информационное издание «Геологическая изученность СССР», равного которому по охвату и объему материала первоисточников нет более ни в какой другой области знания и ни в одной стране мира. Опубликовано более 1500 книг (выпусков), которыми пользуются не только геологи, но экономисты, географы, историки геологии, библиографы и другие специалисты разных стран. У геологии нет государственных границ.

Необходимо отметить, что с доводами Н. С. Шатского считались министры, директора институтов всех республик бывшего СССР, начальники геологических управлений, крупных экспедиций и т. д. При обсуждении и постановке очередных проблем теоретической и практической геологии его авторитет был настолько высок, что любые ветви правительства и все инстанции разноэтажной партийной иерархии, как правило, соглашались с убедительной аргументацией маститого геолога. Вспоминается 1956 г., когда его с заседания Бюро КОГИ срочно вызвали в ЦК КПСС для принятия окончательного решения о том, где именно следует закладывать одну из очередных скважин глубокого опорного разведочного бурения с целью планового финансирования. «Мое мнение беспартийного геолога, — рассказывал он потом, — оказалось решающим и, как впоследствии выяснилось, верным предсказанием».

Я в полной мере ощутил на себе его огромную доброжелательность во время сдачи кандидатского минимума, абсолютное взаимопонимание в работе, а также постоянный интерес к тому, как продвигаются мои диссертационные дела. Постоянная готовность Николая Сергеевича проконсульти-

ровать любого сотрудника независимо от ранга поражала всех. Его уважали, его любили. Яркая личность Н. С. Шатского во многом определяла положение ГИН как ведущего геологического института страны. Я сравниваю его с гениальным дирижером, виртуозно руководящим сводным многонациональным оркестром. Он в совершенстве владел всеми исследовательскими методами стратиграфии, литологии, тектоники. И когда требовалась концентрация внимания всего коллектива института, Н. С. Шатский на заседаниях отделов, ученого совета, на «тектонических субботах» всегда находил комплексный подход к выполнению любой многоаспектной задачи. Так, в 1956–1960 гг. под общим руководством Н. С. Шатского, в основном гиновцами, изучались осадочные формации, выявлялись особенности распространения залежей минерального сырья в земной коре. Блестящим результатом именно комплексного (да еще осуществленного с энтузиазмом) подхода при разработке этой «президентской», академической проблемы скорейшего освоения недр территории Советского Союза явился выход в свет в течение 1958–1960 гг. четырехтомного фундаментального издания «Закономерности размещения полезных ископаемых».

Н. С. Шатский выступает на заседании редколлегии тектонической карты Европы, проходившем в Москве 22–27 июня 1959 г.

Почему Николая Сергеевича так уважали и со всеми у него удивительно ладилась работа? Те, кто лично чувствовал на себе его обаяние, кто близко

знал этого человека, едины во мнении — это была высоконравственная, поистине демократическая личность. Самые высокие звания и награды, которыми его удостоили на родине и за рубежом, никоим образом не влияли на его чуткость в общении, начиная от лаборантов и до заведующих отделами ГИН.

Многим хорошо известно, что исходной точкой опоры всех умозаключений Николая Сергеевича являлся прежде всего полевой анализ реальных геологических тел, затем — всего имеющегося сравнительного материала. И только потом, на основе совокупного изучения, появлялись его формулировки эмпирических обобщений — предложения о вероятных причинах тектонического процесса, о движениях, генезисе и т. д. В середине 1950-х гг., когда геология океанов только начинала исследоваться, Н. С. Шатский считал теорию геосинклиналей единственно правильной концепцией образования и развития структуры земной коры. Имевшийся в то время банк геологических данных по континентам подтверждал это фактами. Еще Г. А. Кожевников писал в 1898 г.: «Как бы то ни было, с фактами надо считаться, они у естествоиспытателя должны быть на первом плане, и ни одним из них нельзя поступиться в пользу самой блестящей теории» [10, с. 13].

Полемика между сторонниками разных направлений в геологии, по убеждению Николая Сергеевича, всегда являлась двигателем научного прогресса. Если бы он дожил до 70–80-х гг., когда в исследовании океанической земной коры были достигнуты значительные успехи, то Шатский, может быть, перешел бы на другие теоретические позиции. Известно, как в прошлые столетия быстро менялись гипотезы, например физические. Если появлялись факты, входившие в противоречие с ранее утвердившимися представлениями, то последние отбрасывались, и принимались другие, нередко прямо противоположные. В наши дни такого рода «отказы» от существующего учения или установившейся теории во многих областях естествознания отходят в прошлое. Когда новейшие исследования действительно убеждают в неудовлетворительности ряда положений господствующей теоретической концепции, создается новая доктрина, в которой неизменно присутствуют элементы прежнего учения. На мой взгляд, такая преемственность более перспективна для любой науки, нежели полнейшее отрицание опыта предшественников. Поэтому вполне допустимо, что академик Н. С. Шатский согласился бы с философским напутствием Н. А. Головкинского, который в 1872 г. сказал: «Если смотреть на ошибочные теории как на моменты в истории развития науки, то едва ли правильно видеть в них нечто ненормальное и вредное» [11, с. 123].

Николая Сергеевича нам не хватает, он по-прежнему жив в нашей памяти. Родник воспоминаний об этом человеке неиссякаем.

Литература

1. *Туголесов Д. А.* Тектонические субботы Н. С. Шатского // Природа. 1973. № 11.
2. *Павловский Е. В.* Николай Сергеевич Шатский, 1895–1960 // Люди русской науки: Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. Кн. 2: Геология и география. М., 1962.

3. *Яншин А. Л.* Академик Николай Сергеевич Шатский: к 90-летию со дня рождения // Вестник АН СССР. 1986. № 1.
4. *Штрейс Н. А.* О научном творчестве Николая Сергеевича Шатского // Изв. вузов. Геология и разведка. 1985. № 10.
5. *Пущаровский Ю. М.* Академик Николай Сергеевич Шатский. (К 90-летию со дня рождения) // Геотектоника. 1985. № 4.
6. *Пущаровский Ю. М.* Краткий очерк научной, научно-организационной и педагогической деятельности // Николай Сергеевич Шатский (1895–1960). М., 1991. (Материалы к биобиблиогр. ученых СССР. Сер. геол. наук. Вып. 41.)
7. Автобиография Шатского Николая Сергеевича // Академик Н. С. Шатский. Избр. тр. Т. 1. М., 1963.
8. *Меннер В. В.* Н. С. Шатский и геосъемка в Кобыстане // Жизнь и творчество академиков А. Д. Архангельского и Н. С. Шатского. (Очерки по истории геологических знаний. М., 1973. Вы. 16.
9. *Рябухин Г. Е.* Николай Сергеевич Шатский в Восточной Сибири // Жизнь и творчество академиков А. Д. Архангельского и Н. С. Шатского. Очерки по истории геологических знаний. М., 1973. Вып. 16.
10. *Кожевников Г. А.* Географическое распространение животных форм в связи с их геологическим развитием // Естествознание и география. М., 1898. № 6.
11. *Головкинский Н. А.* Две вступительные лекции, читанные в Новороссийском университете 7 и 9 марта 1872 г. // Записки Новороссийского университета. Одесса, 1872. Т. VIII.

Ю. И. СОЛОВЬЕВ

АКАДЕМИК С. И. ВАВИЛОВ: ДРАМА РУССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА

Основные вехи жизненного пути

Сергей Иванович Вавилов родился 14 марта 1891 г. в Москве в обеспеченной семье (см. [1–5]). Среднее образование получил в Московском коммерческом училище, где у юноши проявился интерес к естественнонаучным знаниям. Уже в восьмом классе он выступал с докладами на такие актуальные научные темы, как «Электронная теория строения вещества», «Радиоактивность и строение атома». Осенью 1909 г. восемнадцатилетний Сергей Вавилов поступил на физико-математический факультет Московского университета, где его научные интересы складывались под влиянием блестящего экспериментатора, автора классических работ по изучению светового давления, профессора П. Н. Лебедева (см. [6]).

В 1911 г. П. Н. Лебедев вместе с большой группой профессоров покинул Московский университет в знак протеста против произвола министра народного просвещения Л. А. Кассо. Преодолевая трудности, П. Н. Лебедев на деньги, выделенные Обществом опытных наук и их практических применений им. Х. С. Леденцова, создал новую физическую лабораторию при городском Народном университете им. А. Л. Шанявского. В скромно обставленной лаборатории научная жизнь кипела ключом. Особенно живо проходил физический коллоквиум, на котором неоднократно выступал

ВИЕТ. 1999. № 1. С. 132–156. © Ю. И. Соловьев

С. И. Вавилов. В последующие годы научные коллоквиумы и дискуссии на них были той формой коллективного обсуждения животрепещущих проблем, которую Сергей Иванович культивировал во всех научных учреждениях, где он работал.

Под руководством ученика П. Н. Лебедева П. П. Лазарева (см. [7]) С. И. Вавилов выполнил свое первое научное исследование — «Тепловое выцветание красок», обратившее на себя внимание специалистов. За эту работу Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете в 1915 г. присудило молодому ученому золотую медаль.

В мае 1914 г. С. И. Вавилов окончил университет с дипломом первой степени, и званием кандидата физико-математических наук.

За два месяца до начала первой мировой войны Вавилов был мобилизован в армию. С августа 1914 по февраль 1918 г. в чине прапорщика он проходил военную службу в саперных частях и радиодивизионе особой армии. Здесь пригодились его физические знания: он предложил новый метод радиопеленгации вражеских радиостанций. Занимаясь в походной радиолаборатории изучением частот колебаний нагруженной антенны, С. И. Вавилов вывел формулу, нашедшую применение в радиотехнике.

После окончания войны в 1919 г. Вавилов был зачислен сотрудником Института биологической физики (с 1929 г. — Институт физики и биофизики), руководителем которого был его учитель академик П. П. Лазарев.

Тогда же он начал читать лекции по физике в Московском высшем техническом училище (МВТУ) и в Московском высшем зоотехническом институте. Однако особое значение имела педагогическая деятельность С. И. Вавилова на физико-математическом факультете Московского университета.

Весной 1919 г. он сдал в Московском университете экзамены на степень магистра физики и приступил здесь к работе сначала в качестве приват-доцента, а с 1929 г. — профессора и заведующего кафедрой общей физики. В Московском университете С. И. Вавилов создал свою научную школу. В нее вошли такие известные впоследствии физики, как В. В. Антонов-Романовский, Д. И. Блохинцев, Е. М. Брумберг, А. А. Власов, Н. А. Добротин, С. Л. Мандельштам, М. А. Марков, Б. Я. Свешников, В. А. Фабрикант, И. М. Франк, В. С. Фурсов, А. А. Шишловский и др.

Научно-исследовательскую работу С. И. Вавилов в те годы проводил в Институте биологической физики, где с 1918 по 1930 гг. руководил отделом физической оптики и совместно с В. Л. Левшиным выполнил фундаментальные исследования поляризационных свойств люминесценции растворов красителей. Работы в этом направлении, приведшие к открытию законов и формул Вавилова, создали ученому высокий научный авторитет.

31 января 1931 г. С. И. Вавилов был избран членом-корреспондентом по Отделению математических и естественных наук (физические науки), а 29 марта 1932 г. — действительным членом Академии наук СССР.

В записке об ученых трудах С. И. Вавилова, представленной в выборную комиссию для его избрания действительным членом АН СССР, академик